

В. И. ЛЕНИН и А. М. ГОРЬКИЙ на II Конгрессе Коминтерна 19 июля 1920 г.

ДВОЕ

Ленин и Горький — содружество этих людей исполнено глубокого смысла. За их взаимоотношениями стояли революция, дело рабочего класса, социализм.

ОДНА из самых любимых старых фотографий: двое — Ленин и Горький. Два удивительных человека из глубины России, два волгара, два резко очерченных лица, исполненные необычайной духовной энергии, фигуры, словно напруженные для дерзкой мысли, больших чувств, смелых действий, борьбы до конца.

В одном издании — скупая справка о фото: «Петроград, 1920 г.». И вдруг находишь у Константина Федина запись, точную и взволнованную, — Ленин и Горький тогда были на конгрессе Коминтерна, Федина тоже же довелось там быть, слушать речь Ленина, и она казалась ему «огненной по своему смыслу, и в деловых его словах, поданных выкладкам ученого, билась, как сердце, мечта нового мира. Конгресс не только следовал за движением ленинской мысли, но будто касался ладонями ленинской души».

Федин потом описывает, как Ленин и Горький после заседания конгресса, после речи Ленина вышли из дворца «почти соединенные, сжатые людьми, рука об руку». И вот какая-то секунда, когда они, оставшись вдвоем, оказались перед объективом фотографов.

«Горький стоял у колонны, позади Ленина, без шляпы, голова его, залитая солнцем, была видна далеко, крутом повторялось его имя.

Я увидел на лице Горького новые черты, каких не помнил из прежних встреч. Он был, наверно, до глубины взволнован и преодолевал волнение, и это сделало его взгляд жестким, всегда живые складки щек — неподвижными. Он показался мне очень властным, и все лицо его словно выражало непреклонность, которая только что прозвенела в речи Ленина и которой дышал весь конгресс.

Стиснутый толпой, глядя через плечи и головы людей, я изо всех сил старался не пропустить какого-нибудь движения этих двух человек, стоявших рядом, — Ленина и Горького. И мне казалось — все лучшее, что я когда-нибудь думал о Горьком, воплощено в нем в этот миг, в этой близости к Ленину — к высшему осмыслению всего происходившего в мире».

О многом думается в столетний юбилей Алексея Максимовича, но, может быть, больше всего — об удивительной дружбе двух людей огромной одаренности, людей, похожих и непохожих друг на друга, людей единой цели и одной любви к рабочему

классу, проложивших новые пути и к разуму и к сердцу народному, людей, практически овладевших, может быть, самыми важными ключами от будущего.

ОНИ БЫЛИ почти одногодками. Их жизненные дороги начали рано сближаться. Они вполне могли встретиться в молодости в Казани, и горьковский биограф Илья Груздев сопоставляет: приехав в Казань с мечтой об университете, Горький попадает в подвал булочной. Ленин в те же годы приезжает в Казань, приезжает с той же целью — университет, но двери «императорского» университета раскрылись перед ним незадолго. В декабре 1887 года в Казанском университете возникли волнения, в результате которых Ленин с группой студентов был исключен из университета...

Но встретились они впервые лишь в 1905 году, хотя и слышаны были друг о друге давно. Прошедшие годы иногда обдадут свойством как-то смещать события, навязывая свои измерения как заданные, и «невольные упрощения подчас вползают в трактовку взаимоотношений Ильича и Горького — мол, как же могло быть иначе: Горький шел за Лениным, Ленин его, так сказать, поучал, а случались «зигзаги» у писателя — учитель легко подправлял ученика.

Но Горький встретился с Лениным, будучи великим писателем, когда его слава уже была мировой, когда упрямо именуемый полицией «нижегородским цеховым малярного цеха мастером Алексеем Максимовичем Пешковым» писатель вышел на смелый поединок с царем и царизмом, когда вся демократическая Россия ему дружно рукоплескала, и Блок говорил о Горьком: это и есть Русь!.. Ленин для многих был тогда еще сравнительно мало известен.

И вот этот Горький в складывающейся дружбе нашел не только радость единомыслия, совместной борьбы, взаимоуважения, но и нашел в себе силу разбираться иногда мучительно в тех истинах, которые в ряде случаев иначе формулировал Ильич.

И Ленин не только испытывал наслаждение от живого ума, художественной зоркости, неистощимости социальных чувств и действий солидарного с ним друга, не только обогащался с ним, но и находил желание, терпение тоже подчас мучиться разногласиями с Горьким, но обязательно доходить до их корня, до полного прояснения самого главного — принципов.

Почему же так? — спросим себя. И потому, что они были велики, не ме-

лочны, серьезны в своей дружбе как личности особенные, незаурядные.

И потому, что за этой дружбой, за этими взаимоотношениями стояло что-то более важное, чем личные моменты, самолюбие, капризы — стояла революция, стояло дело рабочего класса и социализма.

С ПЕРВОГО ДНЯ личных контактов — петербургской встречи пятого года — вошел в их дружбу смех, — да, смех, при всех трудностях, горестях, сложных перипетиях борьбы подполья тюремных заключений, эмиграции.

Приметим: М. Ф. Андреева, верный друг Горького, очевидно, очень много сделавшая для сближения Горького с партией, рассказывает о первой петербургской встрече, свидетельницей которой она была:

«Помню, как Ленин вышел к нам навстречу... и быстро подошел к Алексею Максимовичу. Они долго жали друг другу руки. Ленин радостно смеялся (курсив мой. — А. М.), а Горький, сильно смущаясь и, как всегда при этом, стараясь говорить особенно солидно, басистым голосом все повторял подряд:

— Ага, так вот вы какой... Хорошо, хорошо! Я очень рад, очень рад!»

А сам Горький, уже в последние дни своей жизни, однажды ночью начал рассказывать профессору А. Д. Сперанскому о первой с Лениным встрече: «Я об этом еще не писал, да, кажется, и не говорил... Он маленький, лысый, с лукавым взглядом, а я большой, недепный, с лицом и ухватками мордвина. Сначала как-то все не шло у нас, а потом посмотрели мы друг на друга повнимательней, рассмеялись, и обоим сразу стало легко говорить...»

И в одном и в другом рассказе вот это в центре: рассмеялись. Смех действительно очень много вмещает в себя. И когда Горький рассказывал, например, о своей встрече с Лениным на лондонском съезде партии, о том, как он сообщил Ильичу, что русская и американская цензура испортила книгу «Мать» и что ее автора решено привлечь к суду, — мы дальше различаем «механизм» ленинского смеха: «Сначала поморщился, а затем, вскинув голову, закрыв глаза, засмеялся каким-то необыкновенным смехом».

ИХ РОДИЛО активное отношение к жизни, громадная любовь к человеку труда, яростная и холодная ненависть ко всем угнетателям и ко всем бедам людским. Широко известны высказывания Ленина о том, как много сделал Горький для рабочего класса своими художественными произведениями, как ценил он этого художника. И все же хочется знать еще «что-то», раскрывающее нам, чем была для Ленина дружба с Горьким... Надежда Константиновна Крупская приоткрывает завесу: после лондонского съезда, на котором присутствовал Горький, «у Ильича всегда светлело лицо и мятели глаза, когда он говорил о Горьком».

«Учиться у него нужно, как смотреть и

слушать», — так, по свидетельству В. А. Деницкого, говорил о Горьком Ильич, и сам Ильич наслаждался тем, что, беседуя с писателем, получал те «мелочи», конкретные детали, факты, слова, которые давали всегда свежее, непосредственное впечатление действительности. «Мало было людей, к которым Ленин относился бы с такой любовью, как к Горькому», — писала Мария Ильинична, — как-то оживлялось всегда его лицо при свиданиях с Алексеем Максимовичем. Он мог беседовать с ним часами, и видно было, что эти беседы доставляют ему истинное удовольствие».

Ленин был не только неизменно внимательным читателем выходивших горьковских книг, он, без сомнения, был чрезвычайно близок ко всей творческой лаборатории Горького, принимал близко к сердцу его творческие замыслы, был рад поделиться советом...

Почему, почему так неизменно была эта ленинская любовь к Горькому, выдержала все испытания временем, ничто ее не заслонило, не положило на нее никакой тени? Конечно, он видел в нем собрата по трудной борьбе, не сомневался в преданности Горького, был увлечен горьковским талантом, всей личностью буревестника революции и повторял за ним в статьях: «Пусть сильнее грянет буря!». Он видел в нем подтверждение своего оптимизма, своей веры в людей, в духовную мощь рабочего класса, олицетворение своей мечты о преображении России, и это облегчило трудный путь Ленина.

«Его отношение ко мне было отношением строгого учителя и доброго, «заботливого друга», — определяет сам Горький и тут же приводит шутливую фразу Ленина: «Загадочный вы человек — в литературе как будто хороший реалист, а в отношении к людям — романтик...» Может быть, и Ленин иногда в отношении к Горькому бывал чуточку романтиком? Как никто другой, Ленин понимал, что Горький, говоря словами Луначарского, «умеет запустить руку в свое большое горячее сердце и выбросить оттуда пригоршню сокровищ, которыми богаты будем не только мы, но и дети наши, и внуки». Не в этом ли во всем объяснение того особого оттенка — даже в резкости мягкость, на которую обратила внимание Надежда Константиновна?

«Ильич пишет Горькому с резкой прямоотой о том, с чем он не согласен, что его волнует, заботит. Ильич обычно так писал товарищам, но в письмах к Горькому есть особый оттенок. Пишет он часто очень резко, но в этой резкости много какой-то особой мягкости. Письма пишутся всегда под непосредственным впечатлением какого-нибудь факта, в них много эмоциональности — ярко отражена тревога, тяжесть некоторых переживаний, радость, надежды. Ильичу казалось, что Горький очень хорошо все это поймет. И всегда хотелось также Ильичу убедить Горького в правильности своих взглядов, он горячо защищал их».

(Окончание на 4-й стр.).

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ЕСТЬ в переписке Ленина с Горьким то, что он сам, говоря как-то о письмах Маркса и Энгельса к Зорге, назвал «интимными сторонами» их деятельности на протяжении многих лет. И как поучительны эти интимные стороны! для нас — это не только школа высокой дружбы, человечности, величания, неизменной заботы друг о друге, но и серьезные уроки постижения диалектики классовой борьбы, уроки неизменной принципиальности. При этом никакое поучительство, назидательности — взаимная исповедь, горение в одной борьбе, взаимная теплота и обязательная точность, словоточивость, если речь идет о множестве практических задач...

Декабрь двадцать первого года... Горький — за границей. Ленин уговорил его ехать от нашей «зряшной суетни» в европейский санаторий (в июле писал: «А у Вас рожок харканье и Вы не едете! Это ей-же-ей бессовестно и нерационально»). И вот в декабрьском письме Ленин делится с Горьким:

«...Устал дьявольски. Бессонница...». И сразу главное, деловое: «Не напишете ли Бергарду Шоу, чтобы он съезжал в Америку, Уэллсу, который... теперь в Америке, чтобы они оба взяли для нас помочь делом в помощь голодающим?»

Хорошо бы, если бы Вы им написали. Голодным тогда попадет побольше. А голод сильный.

Отдыхайте и лечитесь получше». Горький делает то, о чем просит Ленин. Информировать тогда же, в декабре:

«Ответа от Уэллса я не имею, но уверен, что мое письмо заставило его в Америке, ибо одной из своих статей он цитировал фразу из моего письма... Вообще я делаю все, что могу, имею сведения, что в Бразилии и Аргентине тоже собрано порядочно денег на хлеб... Мне кажется, что следовало бы назначить агентов по сбору во всех странах».

Наверно, правы те, кто говорит, что забота Ленина о здоровье Горького, так тяжело страдавшего от туберкулеза, прибавила ему 10—15 лет жизни. Но нет таких цифр, которыми можно было бы выразить все, что значили забота, борьба Ленина за идейный мир, за революционную душу, нравственное здоровье Горького...

Горький был верным единомышленником Ленина в борьбе с мещанством, в споре с многоликим «серым», в преодолении различных слабостей, шатаний, ошибок интеллигенции того времени. Ленин это очень ценил. И не мудрено, что пока сам Горький допускал иногда узость, однобокость, непоследовательность, незрелость в некоторых своих статьях и поступках или не спешил разбираться во внутрипартийной борьбе, Ленин не мог оставаться спокойным или безразличным к этому, не мог закрыть на это

глаза, и тогда Горький слышал от Ленина «правду-матку», высказанную прямо, точно в глаза:

«Что же это Вы такое делаете? — просто ужас, право! Выходит, что Вы против богостроительства только ради замены его богостроительством!!! С точки зрения не личной, а общественной, всякое богостроительство есть именно любовное самосозерцание тупого мещанства, хрупкой обывательщины, мечтательного «самооплевывания» филистеров и мелких буржуа, отчаявшихся и уставших» (как Вы изволили очень верно сказать про душу — только не «русскую» надо бы говорить, а мещанскую, ибо еврейская, итальянская, английская — все один черт, везде паршивое мещанство одинаково гнусно, а «демократическое мещанство»... сугубо гнусно)... Зачем для читателя набрасывать демократический флер вместо ясного различения мещан (хрупких, жалостно патетических, отчаявшихся, самосозерцающих, богосозерцающих, богостроительных, боготоптающих, самооплевывающихся, бестолково-анархистичных — чудесное слово!!! и прочая) — и пролетариев (умеющих быть бодрыми не на словах, умеющих различать «науку и общественность» буржуазии от своей, демократии буржуазную от пролетарской)? Зачем Вы это делаете? Обидно дьявольски». Это — из письма 1913 года.

И вот что сам Горький писал об этом: «На ошибках — учимся» — часто повторял Владимир Ильич. Пусть же читатели знают эту мою ошибку. Было бы хорошо, если бы она послужила уроком для тех, кто склонен топтаться с выводами из своих наблюдений. (Курсив мой. — А. М.).

И вспомним еще, что говорил А. В. Луначарский об «ухабах» тех дней, об «излучинах» Горького от прямого пути, которые были в определенное время уделом и самого Анатолия Васильевича: «Даже тогда... Владимир Ильич ни одной минуты своей веры, своей любви к Горькому не ослабил. Именно тогда, в то время, посылая ему свои талантливейшие, язвительные, злые и полные любви письма, он провозглашал, что Горький есть настоящий, подлинный пролетарский писатель, который очень много дал пролетариату и еще больше даст».

Алексей Максимович иногда упрекал, что у него немножко закружилась голова, что он немножко растерялся, когда настала октябрьская буря. Но, товарищи, мало таких, кто не грешил в то время. У кого только тогда не закружилась голова! Ух ты, — с ухаба на ухаб, дух захватывало! И только пролетариат — основная база, матросская команда — не робел. Мало было таких людей из стали, которые оставались верными до конца и крепили паруса под напором стихии, по команде великого капитана. Владимир Ильич к Горькому того времени относился изумительно. Я очень хорошо помню,

ДВОЕ

как Алексей Максимович очень скоро вновь вошел в дружеские, весьма дружеские и весьма близкие отношения с Владимиром Ильичем».

Есть исключительно важное суждение Алексея Максимовича, связанное с тем, что говорил о случаях его разноречий с Лениным горьковский биограф И. Груздев. Обобщая труд Груздева, Горький разъяснил самое важное:

«...На примере «наших разногласий» очень умело показана политическая мудрость Владимира Ленина, его совершенно изумительная проницательность. Значения этих «разногласий», на мой взгляд — весьма глубоко и может послужить темой для некоторых философских размышлений, ибо грубо «эмпирически», в деле знания действительности я был, наверное, «опытнее» его, но он, «теоретик», оказался неизмеримо глубже и лучше знающим русскую действительность, хотя сам не однажды жаловался, что знает ее — «мало».

«Мне кажется, что здесь «разноречие» не только в силе познающего разума и в нескрупулезной правильности теории, а в чем-то еще, кроме этого. Это «еще» может быть высотой точки наблюдения, которая возможна только при наличии редкого умения смотреть на настоящее из будущего. И мне думается, что именно эта высота, это умение и должно послужить основой того «социалистического реализма», о котором у нас начинают говорить, как о новом и необходимом для нашей литературы».

Не может не волновать и не умудрять нас и сейчас эта честнейшая самокритика великого писателя.

Великий, самокритичный Горький и такой же непосредственный, всю жизнь полный азарта юности его мудрейший учитель... Вот такая заметка у Горького:

«Сколько подлого и глупого прочитано мною! И остались непрочитанными умнейшие статьи Ильича, друга, учителя, так трогательно-заботливо относившегося ко мне».

Когда у Екатерины Павловны я сказал ему об этом — он засмеялся и ответил:

— А я? Гегеля не успел проработать как следует. Да, что Гегеля! Много не знаю, что должен бы знать. Я вовсе не оправдываю вас и себя тоже. Но ваше дело все-таки другое. Не по существу, а по форме. Дураком вообразить себя я не имею права, а вы — должны, иначе не покажете дурака. Вот-разница».

И великодушно похвалил:

— Зато дела дурацкие вы знаете назубок. Слушая ваши рассказы, даже боюсь: не успеет написать. К тому же о здоровье

вы нисколько не заботитесь, а здоровье у вас — швах. Валяйте за границу, в Италию, в Давос».

Не поедете — вышлем». Ленин, Горький, интеллигенция. Огромный вопрос. Множество граней.

Есть факты немеркнущие, особенно близкие нашему сознанию. С величайшим энтузиазмом и искренностью Горький помогал Ленину, партии ковать «союз рабочих с интеллигенцией» — с современными Архимами, с «интеллектуальной энергией» инженеров, учителей, врачей, с творческим трудом людей искусства, литературы — строить новую культуру.

ДРУЖБА двух затрагивает множество лиц. Ее свидетелями, ее соучастниками, конечно, в самых различных формах, были многие близкие товарищи по партии, по революционной борьбе.

Дружба углубляла, объединяла отношения не только к событиям, но и к людям, олицетворяющим современность...

Так совместно складывалось очень важное — отношение Владимира Ильича и Алексея Максимовича к огромной и противоречивой фигуре Толстого...

«Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись»... — писал Ленин Горькому 3 января 1911 года.

И Ленин, и Горький не уставали с неизменным воодушевлением восхищаться Толстым-художником, национальным гением, «матерым человечеством». И как сплетаются воедино их голоса в резком осуждении философии толстовства, юродивой проповеди «непротивления злу», утонченной религиозности...

«...Я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками»... — так беспощадно-язвительно передает Ленин в одной из своих статей кредо толстовства.

В незабываемом портрете Толстого, который особенно удался Горькому, видишь все преклонение писателя перед Львом Николаевичем — «удивляться ему никогда не устанешь», и в то же время поражают разные краски, поражают все оттенки восприятия противоречивости этого титана! «Во Льве Николаевиче есть много такого, что порою вызывало у меня чувство, близкое ненависти к нему, и опрокидывало на душу угнетающей тяжестью... Меня всегда отталкивало от него это упорное, деспотическое

стремление превратить жизнь графа Льва Николаевича Толстого в «житие иже во святых отца нашего блаженного боярина Льва».

БЛИЗОСТИ Горького к Ильичу, его неступным думам об этом человеке мы обязаны тем, что у нас есть созданный современником бесценный и бессмертный художественный портрет Ленина. «Писал и — обливался слезами», — делился Горький с М. Ф. Андреевой. Сколько ни перечитывай очерк — находишь новое, трепещущее... Тысячу раз перечитывай... Вот только о глазах: «...И на лице, монгольского типа, горели, играли эти острые глаза неумоимого борца против лжи и горя жизни, горели, прищуриваясь, подмигивая, иронически улыбаясь, сверкая гневом. Блеск этих глаз делал речь его еще более жгучей и ясной».

И он имел полное право написать на траурном венке, когда Ильич скончался: «Прощай, друг. Максим Горький».

С ним, Горьким, на следующий день после похорон делилась Надежда Константиновна в письме:

«Похоронили мы вчера Владимира Ильича. Он был до самой смерти таким, каким и раньше — человеком громадной воли, владевшим собой, смеявшимся и шутившим еще накануне смерти, нежно заботившимся о других...»

И дважды в своих письмах Надежда Константиновна говорила Горькому:

«...И все вспоминалось мне, как Ильич в последний месяц своей жизни отыскал книгу, где Вы писали о нем, и велел мне вслух читать Вашу статью. Стоит у меня перед глазами лицо Ильича, как он слушал и смотрел в окно куда-то в даль — итоги жизни подводил и о Вас думал».

«Итоги жизни подводил и о Вас думал». Может быть, и о том месте из статьи Горького думал, где Алексей Максимович писал:

«...Ленин больше человек, чем кто-либо иной из моих современников и, хотя его мысль, конечно, занята, по преимуществу, теми соображениями политики, которые романтик должен называть «узко практическими», но я уверен, что в редкие минуты отдыха эта боевая мысль уносится в прекрасное будущее гораздо дальше и видит больше, чем я могу представить себе. Основная цель всей жизни Ленина — общечеловеческое благо, и он неизбежно должен прозревать в отдалении веков конец того великого процесса, началу коего аскетически и мужественно служит вся его воля...»

ПОСЛЕ смерти Ленина Горький продолжал трудиться самозабвенно, яростно, оставаясь настоящим «русским богом Ярилой» (если вспомнить его беседу с революционером Камо: «Ярость — очень хорошее слово! Страшно нравится мне. Разъярился,

ярость! Верно, что был такой русский бог — Ярило? — спрашивал Горького Камо. И услышав — да, был такой бог, — олицетворение творческих сил, — остался очень доволен».

Горький собирал молодые силы советской литературы, начинал одно за другим великие культурные дела, писал свою знаменитую публицистику; вся страна и весь мир были неизменной ареной его организаторской, патристической и интернационалистской деятельности.

И одновременно, десять последних лет жизни он создавал своего четырехтомного «Клима Самгина».

Эту книгу воспринимаешь и как очень важное продолжение, своеобразный венец замечательной дружбы Горького и Ленина. Это был художественный подвиг и громадная отдача Ильичу за все его уроки, за все его прозрения. Горький когда-то сетовал, что не все успевал прочесть у Ильича. Очевидно, многое было возмещено, когда создавался «Самгин». Красноречивые свидетельства. В процессе работы над «Самгиным» для Горького была составлена библиографическая справка о высказываниях Ленина по вопросам империализма, сводка об основных решениях и отношении большевистской партии к важнейшим историческим фактам от 1907 года до 1917 года. В 1935 году М. Горький перечитывал работу В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».

«Вещь Ваша, Алексей Максимович, гениальна, в самом простом и полном смысле этого слова», — писал А. Фадеев Горькому, когда появился «Клим Самгин». — Вы как-то говорите, что требуется синтетическая вещь о нашей эпохе... Синтез нужен такой, чтобы соединил всю полную реалистического анализа и показа всего многообразия и пестроты действительности. Для эпохи, подготовившей нашу, это осуществлено в «Климе Самгине».

В этом горьковском синтезе прозвучала самая всякая, самая сокрушительная, самая убийственная пощечина Горького мещанам, «ультрасреднему человеку». Помните, самые последние страницы:

«— Уйди! Уйди с дороги, тарахан. И-эх, тар-ракан».

И образ народа, принявшего в себя Ильича, выросшего народа, как бы поднимается над всей эпохой и над всей жизнью Горького...

Горький продолжается... Публикуется не вошедшее в прежние тома, постепенно становится известной фантастически обширная переписка писателя, интересны новые исследования горьковедов.

В этих заметках — лишь несколько прикосновений к ней. Собственно говоря — дружеское слово к читателю: прикоснись, почерни сам.

Александр МИХАЛЕВИЧ.